

Глава 1

В череде холмов, что волнами катятся от Нормана через весь юго-восток Оклахомы до самого Арканзаса, теперь почти невозможно обнаружить признаки богатых запасов нефти, некогда залегавших под ними. Местность расчерчена пунктирами буровых вышек, большей частью заброшенных, хотя немногочисленные действующие помпы еще продолжают монотонно кивать, каждый раз выкачивая несколько галлонов сырца и заставляя проезжающих недоумевать, зачем они еще работают... Большинство же вышек давно сдались и торчат, ржавея и напоминая о днях былой славы, о бесперебойно бивших нефтяных фонтанах, удачливых разведчиках-предпринимателях, быстро сколачивающих состояние.

Отдельные вышки разбросаны и по сельскохозяйственным угодьям в окрестностях Ады, некогда городка нефтяников с шестнадцатю тысячами населения, колледжем и окружным судом. Помпы бездействуют, нефть кончилась. Теперь деньги в Аде зарабатывают почасовым трудом на фабриках, кормозаготовительных фермах и на плантациях, где выращивают орехи пекан.

В центре Ады жизнь кипит. На главной улице не найти пустующих заколоченных домов. Торговля тоже процветает, хотя большей частью переместилась на окраины города. Кафетерии в обеденное время переполнены.

Старинное здание суда округа Понтоток тесно и забито адвокатами и их клиентами. Вокруг него сосредоточены

окружные административные учреждения и адвокатские конторы. Тюрьма — приземистое строение без окон, напоминающее бомбоубежище, — по некоей забытой уже причине была возведена в свое время прямо на лужайке перед судом. Метамфетамин^{*} бич не дает ей опустеть.

Главная улица заканчивается кампусом Восточного центрального университета — обители четырех тысяч студентов, многие из которых живут в пригородах. Учебное заведение подпитывает местную жизнь, вливая в нее свежую струю молодежи и педагогов и придавая некоторое разнообразие привычному укладу жизни юго-восточной Оклахомы.

Мало что из происходящего вокруг ускользает от внимания «Ада ивнинг ньюс» — популярной ежедневной газеты, освещающей все события в регионе и истово соревнующейся с «Оклахомцем» — крупнейшей газетой штата. На первой полосе обычно печатают международные и общенациональные новости, далее — новости штата и региона, еще дальше — информацию о важных событиях локального значения — школьных спортивных мероприятиях, местной политике, знаменательных датах в жизни городской общины и... некрологи.

Население Ады и округа Понтоток составляет обаятельная смесь провинциалов-южан из маленьких городков и независимых «западников». Акценты варьируются от восточно-техасского до арканзасского с его протяжными гласными и редуцированным «и». Это земля индейцев чикасо. В Оклахоме аборигенов больше, чем в каком бы то ни было другом штате, и в результате столетнего смешения в жилах многих белых здесь течет индейская кровь. Клеймо позора выцветает быстро, и потомство от смешанных браков теперь даже гордится своим происхождением.

Библейский пояс проходит прямо через Аду, накладывая на нее зримый отпечаток. В городе пятьдесят церквей,

---

^{*} М е т а м ф е т а м и н (перветин) — синтетический наркотик, более известный в молодежных кругах как «винт». — *Здесь и далее примеч. пер.*

представляющих дюжину ветвей христианства. Они активно действуют, причем не только по воскресеньям. Здесь есть одна католическая и одна епископальная церковь, но нет ни молельного дома, ни синагоги. Большая часть населения — христиане или называющие себя таковыми, всем желательно принадлежать к какому-нибудь приходу. Социальный статус человека зачастую определяется его членством в той или иной религиозной общине.

Со своим шестнадцатитысячным населением Ада считается крупным для сельской Оклахомы городом и привлекает к себе промышленные предприятия и оптовые склады. Сюда интенсивно стекаются рабочие и покупатели из других округов. Город расположен в восьмидесяти милях к юго-востоку от Оклахома-Сити и в трех часах езды на север от Далласа. У каждого есть знакомые, работающие или живущие в Техасе.

Источник самой большой гордости для местных жителей — то, что их город является «законодателем цен» на лошадей для состязаний на короткие дистанции. Некоторые лучшие экземпляры выведены на ранчо в окрестностях Ады. А когда местные «Пумы» завоевывают очередной титул чемпионов штата среди старшеклассников, весь город самодовольно кичится этим несколько лет.

Это приятное место, населенное людьми, которые приветливы с приезжими и друг с другом и всегда готовы помочь в беде. Ребяшня играет на лужайках перед домами. Двери днем никогда не закрываются. Подростки гуляют по ночам, редко причиняя хлопоты.

Если бы не два печально знаменитых убийства, совершенных здесь в начале восьмидесятых, о существовании Ады никто бы и не узнал, чему добропорядочные жители округа Понтоток были бы только рады.

По некоему неписаному городскому постановлению, большинство ночных клубов и пивных в Аде располагались на окраинах города, куда были сосланы, чтобы держать отбросы общества подальше от добропорядочных граждан.

Одним из таких мест был «Каретный фонарь» — похожее на пещеру металлическое сооружение с плохим освещением, дешевым пивом, музыкальным автоматом по будням, оркестриком по выходным, танцплощадкой и — снаружи — обширной, посыпанной гравием автостоянкой, число запыленных грузовичков-пикапов на которой значительно превосходило количество седанов. Тамошними завсегда-таями были именно такие люди, каких ожидаешь увидеть в подобном заведении: фабричные рабочие, завернувшие выпить по дороге домой, деревенские парни, ищущие развлечений, «ночные бабочки» лет двадцати с небольшим и прочая подобная публика, собиравшаяся здесь, чтобы выпить, поплясать и послушать живую музыку. Винс Джил и Рэнди Тревис начинали свою карьеру именно там.

Место было популярное, всегда заполненное посетителями, ему требовалось много почасовых барменов, вышибал и официанток, разносящих коктейли. Одной из них была Дебби Картер, местная девица двадцати одного года от роду, за несколько лет до того окончившая в Аде среднюю школу и теперь наслаждавшаяся самостоятельной жизнью. Она подрабатывала еще в двух местах, а время от времени служила и няней по вызову. Дебби имела свою машину и жила одна в трехкомнатной квартире над гаражом на Восьмой улице, неподалеку от Восточного центрального университета. Она была очень независимой миловидной девушкой с темными волосами, стройной спортивной фигурой и пользовалась успехом у молодых людей.

Ее мать, Пегги Стиллуэлл, тревожилась из-за того, что Дебби проводит слишком много времени в «Каретном фонаре» и других клубах. Не для такой жизни воспитывала она дочь. В сущности, Дебби выросла в церкви. Однако по окончании школы начала встречаться с парнями и поздно возвращаться домой. Пегги выражала недовольство, и порой они ссорились из-за нового образа жизни девушки. Тогда-то Дебби и решила жить отдельно. Она нашла квартиру, съехала из дома, но продолжала поддерживать с матерью очень тесные отношения.

Вечером 7 декабря 1982 года Дебби работала в «Каретном фонаре» — следя за временем, разносила напитки. Народу в баре было не слишком много, и она спросила хозяина, нельзя ли ей освободиться пораньше и посидеть с друзьями. Хозяин не возражал, и вскоре она уже выпивала за столиком со своей лучшей школьной подругой Джинной Виеттой и несколькими приятелями. Глен Гор, с которым они тоже вместе учились в школе, подошел и пригласил Дебби на танец. Она согласилась, но посреди танца вдруг остановилась и сердито отошла от Гора. Позднее, в дамской комнате, она сказала, что ей было бы спокойнее, если бы кто-нибудь из подруг переночевал у нее, но не уточнила, чего опасается.

«Каретный фонарь» в тот день закрывался рано, около половины первого ночи, и Джина Виетта пригласила нескольких человек из компании продолжить веселье у нее дома. Большинство согласилось; а Дебби, сославшись на усталость и на то, что она голодна, решила ехать домой. Гурьбой они неторопливо вывалились на улицу.

Несколько человек видели, как в момент закрытия клуба Дебби на стоянке разговаривала с Гленом Гором. Томми Гловер хорошо знал Дебби, так как они вместе работали в городской оранжерее. Знал он и Гора. Садясь в свой грузовичок-пикап, чтобы ехать домой, он заметил, что Дебби открывает водительскую дверцу своей машины. Гор возник из ниоткуда, они несколько секунд поболтали, потом она его оттолкнула.

Майк и Терри Карпентер оба работали в «Каретном фонаре»: он вышибалой, она официанткой. Направляясь к своей машине, они проходили мимо машины Дебби и видели, как она, сидя на водительском месте, разговаривала с Гленом Гором, стоявшим у открытой дверцы. Карпентеры помахали ей на прощание и пошли дальше. Как-то за месяц до того Дебби сказала Майку, что боится Гора из-за его буйного нрава.

Тони Рэмзи работала в клубе чистильщицей обуви. В 1982-м нефтяной бизнес в Оклахоме еще процветал

и немало дорогих штиблет топтали тротуары Ады. Надо же было кому-то их полировать, и Тони таким образом зарабатывала деньги, в которых очень нуждалась. Она хорошо знала Гора. Уходя в тот вечер с работы, она видела Дебби, сидевшую за рулем своего автомобиля. Гор стоял у противоположной открытой дверцы, согнувшись и заглядывая внутрь. Они разговаривали, как ей показалось, вполне мирно, ничто ее не встревожило.

Гора, у которого не было своей машины, привез в «Каретный фонарь» где-то около одиннадцати тридцати приятель по имени Рон Уэст. Уэст заказал обоим пиво и удобно расположился за столом, пока Гор слонялся по залу. Казалось, он знал там всех. Когда объявили последний танец, Уэст поймал Гора и спросил, нужно ли его опять подвезти. Гор ответил утвердительно, поэтому Уэст отправился на стоянку и стал ожидать его. Прошло несколько минут, прежде чем Гор поспешно подбежал к машине и сел в нее.

Они решили, что голодны, поэтому Уэст направил машину в центр города, к кафе, которое называлось «Болтун», там они заказали завтрак на скорую руку. За еду платил Уэст, так же как и за выпивку в «Каретном фонаре». Тот вечер он начал «У Харолда» — в еще одном клубе, куда отправился в поисках деловых партнеров. Вместо них наткнулся на Гора, работавшего там от случая к случаю барменом и диск-жокеем. Они были едва знакомы, однако когда Гор попросил подвезти его в «Каретный фонарь», Уэсту показалось неловко ему отказать.

Уэст был счастливо женатым отцом двух маленьких девочек и не имел привычки допоздна шататься по барам. Ему не терпелось вернуться домой, но Гор не отставал от него и с каждым часом стоил ему все дороже и дороже. Когда они покинули кафе, он спросил своего пассажира, куда ему нужно. К матери, ответил тот, на Оук-стрит, это, мол, всего в нескольких кварталах отсюда к северу. Уэст прекрасно знал город и немедленно тронулся в путь, но не успели они доехать до Оук-стрит, как Гор вдруг передумал,

сказал, что за несколько последних часов успел накататься с Уэстом и хочет пройтись пешком. Температура была весьма низкой и продолжала падать, дул резкий ветер, на двигался холодный фронт.

Они остановились возле баптистской церкви на Оук-стрит, недалеко от того места, где, по словам Гора, жила его мать. Гор выскочил из машины, поблагодарил за все и направился на запад.

Баптистская церковь на Оук-стрит находится приблизительно в миле от дома Дебби Картер.

Мать Гора на самом деле жила на другом конце города, и рядом с тем местом не было никакой церкви.

Около половины третьего Джина Виетта принимала у себя в квартире друзей, когда последовали два странных звонка, оба — от Дебби Картер. Позвонив первый раз, Дебби попросила Джину приехать и забрать ее, потому что у нее сейчас находится некто, гость, в чьем обществе она чувствует себя неуютно. Джина спросила, кто он, этот гость. Разговор прервался, послышались приглушенные голоса, кто-то, казалось, пытался отнять у Дебби трубку. Джина, естественно, забеспокоилась — просьба показалась ей странной. У Дебби ведь есть собственная машина, «олдсмобиль» 1975 года выпуска, и она, разумеется, могла бы приехать сама. В тот момент, когда Джина уже торопливо собиралась уходить, телефон зазвонил снова. Это опять была Дебби, которая сказала, что передумала, что у нее все в порядке и чтобы Джина не беспокоилась. Джина еще раз спросила, кто у нее в гостях, но Дебби сменила тему и имени не назвала, лишь попросила позвонить ей утром и разбудить, чтобы она не опоздала на работу. Это была еще одна странная просьба, с которой Дебби никогда прежде к Джине не обращалась.

Несмотря ни на что, Джина поехала-таки было к подружке, но, поразмыслив, изменила решение: у Дебби в квартире гости, уже очень поздно, в случае необходимости Дебби сможет воспользоваться собственной машиной, а кроме того, если у нее мужчина, появление Джины будет выгля-

деть неуместным. Джина вернулась, легла спать и утром забыла позвонить Дебби.

Около одиннадцати часов утра 8 декабря Донна Джонсон заехала повидаться с Дебби. До того как Донна переехала в Шоуни, что в часе езды от Ады, они учились в одном классе и дружили. Донна приехала в город на один день навестить родителей и повстречаться кое с кем из старых друзей. Она начала быстро подниматься по узкой наружной лестнице, ведущей в квартиру Дебби над гаражом, но потом замедлила шаг, осознав, что ступает по битому стеклу. Окошко на двери было разбито. Почему-то первое, что пришло в голову Донне: Дебби захлопнула дверь, оставив ключи внутри, и была вынуждена разбить стекло, чтобы попасть домой. Она постучала. Никто не ответил. Прислушавшись, она догадалась, что в квартире работает радио, а повернув шаровидную дверную ручку, обнаружила, что дверь не заперта. Стоило ей сделать всего один шаг внутрь — и стало ясно: что-то здесь случилось.

В маленькой гостиной царил полный кавардак — диванные подушки валялись на полу, повсюду была разбросана одежда. На правой стене кто-то намалевал какой-то красной жидкостью слова: «Следующим умрет Джим Смит».

Донна позвала Дебби, но опять не получила ответа. Ей доводилось уже однажды бывать в этой квартире, поэтому она уверенно направилась в спальню, продолжая выкрикивать имя подруги. Кровать была сдвинута с места, постельное белье сдернуто. Сначала Донна увидела ногу Дебби... Подруга лежала на полу, по ту сторону кровати лицом вниз. Она была обнажена, а на спине у нее было что-то написано.

Донна замерла от ужаса, не в состоянии сделать больше ни шага, она уставилась на Дебби, надеясь уловить признаки дыхания. «Может, она просто спит?» — мысленно уговаривала себя Донна.

Попятившись, Донна очутилась в кухне, где на маленьком белом столике увидела еще одну надпись, оставленную убийцей. «А что, если он еще здесь?» — вдруг пришло ей

в голову, и она бросилась вон из квартиры. Добежав до машины, Донна рванула к ближайшему дежурному магазинчику, где нашла телефон и позвонила матери Дебби.

Пегги Стилуэлл слышала ее слова, но не могла в них поверить. Ее дочь лежит на полу голая, окровавленная, недвижимая?! Она заставила Донну повторить все еще раз и только после этого бросилась к машине. Аккумулятор оказался мертв. Обезумев от страха, она помчалась обратно домой и позвонила Чарли Картеру, отцу Дебби и своему бывшему мужу. Их развод, состоявшийся за несколько лет до того, не был мирным, они едва разговаривали друг с другом.

У Чарли Картера никто не ответил. Подруга Пегги Кэрол Эдвардс жила в доме напротив Дэйбби. Пегги позвонила ей, сказала, что у Дебби что-то стряслось, и попросила сбегать к дочери, проверить. Ждать пришлось долго. В конце концов Пегги снова позвонила Чарли, и на этот раз он снял трубку.

Кэрол Эдвардс перебежала на противоположную сторону улицы, тоже заметила битое стекло и открытую входную дверь. Потом вошла и увидела тело.

Чарли Картер, каменщик, был дородным человеком с широкой грудью, который иногда тоже подрабатывал в «Каретном фонаре» вышибалой. Вскочив в свой пикап, он ринулся к дому дочери, мысленно представляя себе все ужасы, которые только может вообразить испуганный отец. Но то, что он увидел, оказалось страшнее любой фантазии.

Он дважды окликнул дочь. Потом встал рядом с ней на колени, осторожно приподнял ее за плечо, чтобы разглядеть лицо. Окровавленная тряпка торчала у нее изо рта. В сущности, он не сомневался, что дочь мертва, но ждал, все еще надеясь заметить хоть какой-то признак жизни. Потом медленно встал и огляделся. Кровать была отодвинута от стены, постельное белье беспорядочно валялось на полу, в комнате царил бедлам. Совершенно очевидно, что там происходила борьба. Он прошел в гостиную и увидел слова на стене, потом — в кухню. Несомненно, квартира

являла собой место преступления. Засунув руки в карманы, Чарли вышел.

Донна Джонсон и Кэрол Эдвардс, рыдая, стояли на лестничной площадке перед дверью. Они слышали, как Чарли попрощался с дочерью и сказал ей, как невыносимо больно ему сознавать, что с ней произошло. Очутившись за дверью, он тоже заплакал.

— Мне позвонить в «Скорую»? — спросила Донна.

— Нет, — ответил он. — «Скорая» тут уже не поможет. Звони в полицию.

Первыми приехали фельдшеры — двое. Они вихрем взлетели по лестнице, ворвались в квартиру, и через считанные секунды один из них выбежал обратно на площадку, его вырвало.

Когда на место преступления прибыл детектив Деннис Смит, вокруг дома уже толпились местные полицейские, медики, зеваки и даже два прокурора. Сообразив, что речь идет о вероятном убийстве, он приказал огородить место и никого не пускать внутрь ограждения.

Капитан, ветеран, проработавший в Полицейском департаменте Ады семнадцать лет, Смит знал, что делать. Он велел всем, за исключением еще одного детектива, покинуть квартиру и разослал своих подчиненных по соседям — стучать в двери, искать свидетелей. Смит кипел от ярости и с трудом сдерживался. Он отлично знал Дебби, его дочь дружила с ее младшей сестрой. Знал он и Чарли Картера, и Пегги Стиллуэлл и не мог поверить, что это их дитя лежит здесь мертвое на полу собственной спальни. Когда должный порядок был наведен, Смит приступил к осмотру места преступления.

Стекло на площадке было от разбитого окошка входной двери, осколки попали как наружу, так и внутрь квартиры. В гостиной слева от двери стоял диван, подушки с него были сброшены и валялись по всей комнате. На полу перед диваном Смит нашел новую байковую ночную рубашку с еще даже не оторванным торговым ярлыком магазина

«Уол-март». Он обследовал надпись на противоположной от входа стене, сразу же определив, что она сделана лаком для ногтей: «Джим Смит умрет следующим».

Он знал Джима Смита.

В кухне на белом квадратном столике он увидел еще одну надпись, сделанную кетчупом: «Ни исчите нас, а то...» На полу возле столика лежали джинсы и пара ботинок. Вскоре он узнает, что они были на Дебби прошлым вечером в «Каретном фонаре».

Смит проследовал в спальню. Сдвинутая кровать загоразживала вход. Окна были открыты, шторы раздвинуты, в комнате стоял жуткий холод. Смерти явно предшествовала ожесточенная борьба: повсюду на полу валялись предметы одежды, простыни, одеяла, покрывала, мягкие игрушки. Кажется, ничто не осталось на месте. Опустившись на колени возле тела Дебби, детектив Смит заметил третье послание убийцы. На спине жертвы чем-то похожим на высохший кетчуп было написано: «Дюк Грэм».

Он знал Дюка Грэма.

Под телом лежали электрический шнур и ковбойский ремень с большой серебряной пряжкой, на которой посередине было выгравировано имя «Дебби».

Пока офицер Майк Кисуэттер, тоже из Департамента полиции Ады, фотографировал место преступления, Смит начал собирать улики. Он нашел волосы на теле, на полу, на кровати и на мягких игрушках, методично собрал их и поместил каждый в самодельный «пакет» — сложенный листок бумаги, — аккуратно пометив, где какой волосок найден.

Потом он осторожно собрал, упаковал и снабдил надписями простыни, наволочки, покрывала, электрический шнур и ремень, разорванные трусики, обнаруженные на полу в ванной, несколько мягких игрушек, пачку сигарет «Мальборо», пустую банку из-под воды «севен-ап», пластмассовую бутылку с шампунем, окурки, стакан из кухни, телефонный аппарат и несколько волосков, найденных под телом. Завернутая в простыню бутылка, валявшаяся